

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ
Рано!

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176253

Антон Павлович Чехов

Рано!

В селе Шальнове звонят к заутрене. Солнце на горизонте уже целуется с землей, побагровело и скоро спрячется. В кабаке Семена, переименованном недавно в трактир – титул, совсем не идущий избенке с ошипанной крышей и с парой тусклых окошек, – сидят двое охотников-мужиков. Одного из них зовут Филимоном Слюнкой. Это старик лет 60, бывший дворовый графов Завалиных, по профессии слесарь, служивший когда-то на гвоздильной фабрике, прогнанный за пьянство и лень и ныне живущий на иждивении своей жены-старухи, просящей милостыню. Он тощ, хил, с облезлой бороденкой, говорит с присвистом и после каждого слова моргает правой стороной лица и судорожно подергивает правым плечом. Другой, Игнат Рябов, здоровенный, плечистый мужик, никогда ничего не делающий и вечно молчащий, сидит в углу под большой вязкой баранок. Дверь, открытая вовнутрь, бросает на него густую тень, так что Слюнке и кабатчику Семену видны только его латаные колени, длинный мясистый нос и большой чуб, выбившийся на волю из густой, нечесаной путаницы, покрывающей его голову. Семен, маленький, болезненный человечек с длинной жилистой шеей и с бледным лицом, стоит за прилавком, печально глядит на вязку баранок и смиренно покашливает.

– Ты таперича рассуди в своей голове, ежели в тебе есть ум, – говорит ему Слюнка, моргая щекой. – Вещь лежит у тебя без всякого действия, и нет тебе никакой пользы, а нам она надобна. Охотник без ружья всё равно, что пономарь без голоса. Это понимать надо в уме, а ты вот, вижу, не понимаешь, стало быть, в тебе настоящего ума-то и нету... Отдай!

– Ведь ты же заложил у меня ружье! – говорит тоненьким, бабьим голоском Семен, глубоко вздыхая и не отрывая глаз от вязки баранок. – Отдай рубль, что взял, тогда и бери ружье.

– Нету у меня рубля. Я тебе, Семен Митрич, как перед богом: дай ты мне ружье, похожу нынче с Игнашкой и опять тебе его принесу. Накажи меня бог, принесу. Ежели не принесу, чтоб мне ни на том, ни на этом свете счастья не было.

– Семен Митрич, дай! – говорит басом Игнат Рябов, и в голосе его слышится страстное желание получить просимое.

– Да зачем вам ружье? – вздыхает Семен, печально покачивая головой. – Какая теперь охота? На дворе еще зима и акроме ворон да галок никакой твари.

– Какая ж зима? Нешто это зима? – говорит Слюнка, выковыривая пальцем из трубки пепел. – Оно, конечно, рано еще, да ведь вальшнепа не угадаешь. Вальшнеп такая птица, что его сторожить нужно. Неровен час, просидишь дома поджидаючи, ан перелет-то и прозевал, жди до осени... Такое дело! Вальшнеп не грач... В прошлом годе на Страстной уж он летел, а в третьем годе до Фоминой ждать пришлось.

Нет, уж ты сделай милость, Семен Митрич, дай нам ружье! Заставь вечно бога молить. Словно на грех, и Игнашка свое ружье пропил. Эх, когда пьешь, не чувствуешь, а таперя... Эх, глядеть бы на нее, на водку проклятую, не хотел! Истинно, кровь сатанинская! Дай, Семен Митрич!

– Не дам! – говорит Семен, складывая на груди свои желтые ручки, как перед молитвой. – Надо по совести, Филимоноушка... Из заклада вещь зря не берется, надо деньги платить... Да и то рассуди, к чему птицу бить? Зачем? Таперя пост, не станешь есть.

Слюнка конфузливо переглядывается с Рябовым, вздыхает и говорит:

– Нам бы только на тяге постоять.

– А зачем? Всё глупости... Не такой ты комплекции, чтоб глупостями заниматься... Игнашка, так и быть уж, человек непонимающий, его бог обидел, а ты, слава тебе господи, старик, умирать пора. Вот ко всенощной бы шел.

Напоминание о старости, видимо, коробит Слюнку. Он крикает, морщит лоб и молчит целую минуту.

– Послушай ты меня, Семен Митрич! – говорит он горячо, поднимаясь и уже моргая не одной правой щекой, а всем лицом. – Истинно, как перед богом... разрази меня создатель, после Святой получу от Степана Кузьмича за оси и отдам тебе не руб, а два! Накажи меня бог! Перед образом тебе говорю, только дай ты мне ружье!

– Да-ай! – говорит воющим басом Рябов; слышно, как тес-

нится его дыхание, и чувствуется, что он хотел бы сказать многое, но не находит слов. – Да-ай!

– Нет, братцы, и не просите, – вздыхает Семен, печально покачивая головой. – Не вводите в грех. Не дам я вам ружья. Нет такой моды, чтобы вещь из залога вынимать и денег не платить. Да и к чему баловство? Идите себе с богом!

Слюнка утирает рукавом вспотевшее лицо и начинает горячо клясться и просить. Он крестится, протягивает к образу руки, призывает в свидетели своих покойных отца и мать, но Семен по-прежнему глядит смиренно на вязку баранок и вздыхает. В конце концов Игнашка Рябов, дотоле не двигавшийся, порывисто поднимается и бухает перед кабатчиком земной поклон, но и это не действует!

– Подавись же ты моим ружьем, сатана! – говорит Слюнка, моргая лицом и дергая плечами. – Подавись, холера, разбойницкая душа!

Бранясь и потрясая кулаками, он выходит с Рябовым из кабака и останавливается среди дороги.

– Не дал, проклятый! – говорит он плачущим голосом, обиженно глядя в лицо Рябова.

– Не дал! – басит Рябов.

Окошки крайних изб, скворечня на кабаке, верхушки тополей и церковный крест горят ярким золотым пламенем. Видна уже только половина солнца, которое, уходя на ночлег, мигает, переливает багрянцем и, кажется, радостно смеется. Слюнке и Рябову видно, как направо от солнца, в двух

верстах от села темнеет лес, как по ясному небу бегут куда-то мелкие облачки, и они чувствуют, что вечер будет ясным, тихим.

– Самая пора таперя, – говорит Слюнка, моргнув лицом. – Хорошо бы постоять часок-другой. Не дал, проклятый, чтоб ему...

– Ежели для тяги, то самое таперя и время... – выговаривает, заикаясь, как бы через силу, Рябов.

Постояв немного; они, ни слова не говоря друг другу, выходят из села и глядят на темную полосу леса. Всё небо над лесом усеяно движущимися черными точками – это грачи летят на ночлег... Снег, кое-где белеющий на темно-бурой пашне, слегка золотится от солнца.

– В прошлом годе в эту пору я в Живках стоял, – говорит после долгого молчания Слюнка. – Трех вальшнепов принес.

Опять наступает молчание. Оба долго стоят и глядят на лес, потом лениво трогаются с места и идут от села по грязной дороге.

– Надо думать, вальшнепа еще не прилетали, – говорит Слюнка. – А может, уж и есть.

– Костька сказывал, что еще нету.

– Может, и нету... Кто их знает! Год в год не приходится. Одначе грязь!

– А постоять надо бы.

– Стало быть, надо! Отчего не постоять? Постоять можно. Оно бы не мешало пойти в лес поглядеть. Ежели есть,

Костьке скажем, а то и сами, может, достанем ружье и завтра выйдем. Эка напасть, прости господи, надоумил же меня нечистый ружье в кабак снести! Этакое горе, что и сказать тебе, Игната, не умею!

Беседуя таким образом, охотники подходят к лесу. Солнце уже село и оставило после себя красную, как пожарное зарево, полосу, перерезанную кое-где облаками; цвет этих облаков не поймешь: края их красны, но сами они то серы, то лиловые, то пепельны. В лесу между густыми ветвями елей и под кустами березняка темно, и в воздухе ясно вырисовываются только крайние, обращенные к солнцу ветки с их пузатыми почками и лоснящейся корой. Пахнет тающим снегом и перегнивающими листьями. Тихо, ничто не шевелится. Издали доносится утихающий крик грачей.

– Теперь бы в Живках постоять, – шепчет Слюнка, с ужасом глядя на Рябова. – Там важная тяга.

Рябов тоже с ужасом глядит на Слюнку, не мигая и раскрыв рот.

– Славное время, – говорит дрожащим шёпотом Слюнка. – Хорошую весну господь посылает... А надо думать, вальшнепа уже есть... Отчего им не быть... День теперь стоит теплый... Поутру журавли летели – видимо-невидимо!

Слюнка и Рябов, осторожно шлепая по талому снегу и увязая в грязи, проходят по краю леса шагов двести и останавливаются. Лица их выражают испуг и ожидание чего-то страшного, необыкновенного. Они стоят как вкопан-

ные, молчат, не шевелятся, и руки их постепенно принимают такое положение, как будто они держат ружья с взведенными курками...

Большая тень ползет слева и заволакивает землю. Наступают вечерние сумерки. Если поглядеть направо, то сквозь кусты и стволы деревьев видны багровые пятна зари. Тихо и сыро...

– Не слышать, – шепчет Слюнка, пожимаясь от холода и всхлипывая своим озябшим носиком.

Но, испугавшись своего шёпота, он грозит кому-то пальцем, делает большие глаза и сжимает губы. Слышится легкий треск. Охотники значительно переглядываются и взглядами сообщают друг другу, что это пустяки, трещит сухая веточка или кора. Вечерняя тень всё растет и растет, багряные пятна мало-помалу тускнеют, и сырость становится неприятною. Долго стоят охотники, но ничего они не слышат и не видят. Каждое мгновение ждут они, что вот-вот пронесется в воздухе тонкий свист, послышится торопливое карканье, похожее на кашель осипшего детского горла, хлопанье крыльев.

– Нет, не слышать! – говорит вслух Слюнка, опуская руки и начиная мигать глазами. – Знать, но прилетали еще.

– Рано!

– То-то, что рано...

Охотники не видят лиц друг друга. Воздух темнеет быстро.

– Деньков пять еще подождать, – говорит Слюнка, выходя

с Рябовым из-за куста. – Рано!

Оба идут домой и молчат всю дорогу.